

ПОЭЗИЯ

С. Н. Никулин

ТИХИЙ СТАС

В конце пятидесятых — начале шестидесятых на университетском Парнасе было тесно, шумно и разнообразно.

Родились ежегодные Дни поэзии ВГУ. Громогласные Владимир Порядин, Людмила Бахарева, Аркадий Слуцкий, Валерий Мартынов, Михаил Сафонов, Виталий Татьянин старались докричаться до аудитории, жаждавшей откровений.

А Стасик Никулин, худенький, стеснительный, негромкий, выходил на сцену как-то неловко и говорил спокойно и задумчиво.

Словно размышлял вслух.

Бурлящая аудитория замолкала и слушала.

Главный мотив его поэзии — сущность повседневного:

А жизнь одна дана...

И как успеть взглядеться

В рябину у окна

И в женщину у сердца.

Всю свою жизнь Станислав Николаевич Никулин, Стас, Стасик вглядывался в жизнь.

И в Таджикистане, где учительствовал после окончания университета.

И в университетской многотиражке, где оказался после возвращения в Воронеж.

И в журнале «Подъем», где работал долгие-долгие годы, редактируя чужие стихи и занимая должность ответственного секретаря.

Выпустил восемь своих книг.

Одно из самых любопытных достижений – двухтомник «Земная колыбель», антология поэзии ВГУ, над которой тихий Стас работал больше года.

Готовил подарок к девяностолетию университета.

Нудная, кропотливая работа.

Однако — трудился.

Выстроил книгу такой, какой виделась ему университетская поэзия.

Мне представляется — талантливо выстроил.

Потому что — по-своему.

Подлаживаться под чужое мнение Стасик не любил.

Хотя, наверное, приходилось.

Одно знаю точно – был искренен.

И в стихах, и по жизни.

Однажды признался:

— Моя натура к пафосу не расположена... Уточню свою мысль. Я вдруг заметил, что в жизни много такого, на что я раньше внимания не обращал... Весна, птицы, сама жизнь. Раньше я все это ощущал спокойно, а сегодня — заново для себя открываю.

И тут же прочитал:

— О жизни говорить не хочется,

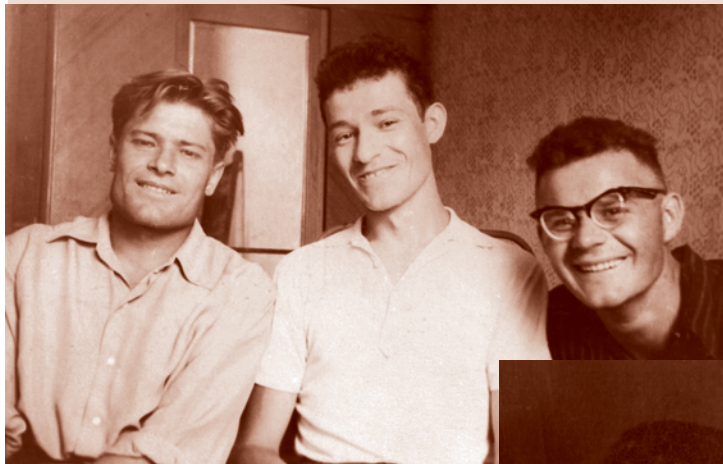
А просто хочется пожить...

Станислав Николаевич Никулин ушел из жизни 23 мая 2011 года.

Л. Е. Кройчик

СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ СТАНИСЛАВА НИКУЛИНА

*Григорий Юрьев, Стас Никулин,
Владимир Хаустов (слева направо).
Учеба на филфаке ВГУ*

*Стас Никулин (справа),
Альберт Иванов*

*Стас Никулин (справа),
Владимир Хаустов.
В студенческом колхозе*

*Военные сборы.
Учеба в ВГУ.
С. Никулин
лежит второй слева*

* * *

Я счастлив,
что родился в сентябре,
когда взмывают над землёю стаи,
когда заря, не гаснув, полыхает
на ягодах рябины во дворе.
Я счастлив,
что родился в сентябре.

Дни в это время чуточку грустней,
хотя не все поля еще пустынно.
И зрелые осенние мужчины —
не листья, улетевшие с ветвей.

В нас есть такие клады про запас,
которые внезапно открывая,
мы вдруг себя острее ощущаем
и все острее ощущают нас.

Не стали прозаичней наши дни,
как и не стали прозаичней астры.
Как и они, мы тоже не погасли
и для кого-то так еще нужны.

Но вот однажды день такой придет —
посмотрят на меня без интереса...
Кто не поймет
желтеющего леса,
тот и цветенья тоже не поймет.

* * *

Мысль изреченная есть ложь.
Ф. Тютчев

Когда называют поэтом,
становится стыдно при этом...

Задумчивы так деревья,
заманчива даль небосвода,
шаманит под ветром трава,
и всюду — свобода, свобода.
Века затерялись в горах,
где речки, как дождь, говорливы.
Как выразить это в словах —
они бездыханны и лживы.

И тайн у природы не счесть,
она нас жалеет и судит...

А то, что поэзия есть —
так это придумали люди.

* * *

Ах, эта музыка берез —
такая светлая, певучая!
Она так сладостно измучила
и довела меня до слез.

И нет той музыке конца,
она звучит по всей России —
в полях, лесах, далекой сини
и у родимого крыльца.

И не расстаться с ней вовек,
и с ней от самого начала
и до последнего причала
шагает русский человек.

* * *

Всё продали, пропили,
да и совесть не та.
И живём, как в могиле,
без Христа и креста.

Неприкаянно бродим,
пялим очи в экран,
а в родном огороде
матерее бурьян.

От разбоя и крика
сатанеют тела.
Неужель повилика
души так оплела?

Без пророков и судей
наши чёрные дни.
Неужель так и будем
Ни на что не годны?

Нам бы лишь разогнуться
под наплывом зари...
Но никак не очнутесь
на Руси косари.

ХОРОШИЕ ЛЮДИ

Это было и будет
в мире света и тьмы:
все хорошие люди
остаются детьми.

Засмеются — так звонко,
веру ближним несут,
с чистым сердцем ребёнка
на планете живут.

Под житейскою крышей
до сих пор не привык
я к тому, что мы слышим:
— Стал ребёнком старик...

Не пристало беречься
им ни в зной, ни в пургу.
Возвращение к детству —
возвращенье к добру.

Незаметным участием
Радость делаем мы.
Это высшее счастье —
оставаться детьми.

* * *

Давай с тобой поговорим,
как может говорить
земля с рассветом,
как пчёлы говорят с цветами летом,
как с небом говорит весёлый дым.

Давай с тобою вновь переживём
то, что сгорело,
как сгорают листья,
на старые дороги завернём,
без них существования не мысля.

Давай в глаза друг другу поглядим,
Как будто ничего не изменилось.
— Всё как тогда... —
Прощально повторим.

ПРИЗНАНИЕ

Полынь седая мечется,
под ветром наклоняется.
Тебе спасибо, женщина,
что мне ещё мечтается,
страдается и любитя,
как в юности встречается.
Ещё такое сбудется,
о чём и не вздыхается,
не слышится, не видится
под небесами синими,
ещё не величается
словами раскрасивыми.

Полынь седая клонится,
под ветром осень мечется.
За всё, что снова вспомнится,
я благодарен женщине.
Не вижу света белого,
когда ты мне не видишься,
а огорчу без дела —
простишь и не обидишься.
И сердце не остудится,
ты мне судьбой завешана...
Что сбудется, не сбудется —
всё нагадает женщина.

* * *

На склоне лет негоряча ладонь
и расставаньё с этим миром гложет,
но теплится еще в крови огонь,
а каждый миг дороже и дороже.

Богатства никакие не нужны,
но все нужней
смушенный луч рассвета,
дыхание полночной тишины,
разлив весны, румянец жаркий лета.

Куда ж тогда мы рвемся и летим,
порою и о близких забывая?
Каким же ветром гонят нас шальным?
Кому, скажите, жизнь нужна такая?

А время, как безжалостный палач,
в конце концов по-своему рассудит.
Побольше бы обычных нам удач,
побольше б человеческих нам, люди.

Ни золота я не копил, ни зла.
«Я счастлив был, —
скажу перед могилой... —
Ведь у меня любимая была,
все остальное — суетою было...»

* * *

Ты осени моей совсем не рада.
Но надо ли об этом говорить?
Настанет скоро время листопада,
а листопад нельзя остановить.

Не задержать его и не отсрочить,
без спроса он над нами зашумит.
И почему-то среди темной ночи
вдруг сердце одиноко зашемит.

И не с того ли на душе тревожно?
И как тебе все это объяснить,
что ничего вернуть нам невозможно —
как листопад нельзя остановить?

ВОРОБЕЙ

Неутомимый забияка,
неугомонный весельчак,
ты, если надо,
лезешь в драку
и не отступишь просто так.

Я не пойму, какая сила
дана природою тебе,
чтобы ее на все хватило
в твоей неласковой судьбе?

Не шеголь ты средь птиц,
не барин
в окраске серенькой своей.
И для меня ты — свойский парень,
хотя всего-то — воробей.

Всего-то птичка-невеличка
и неприметна, и мала,
но жить упрямая привычка
меня с тобой давно свела.

Ты, только осень глянет хмуро,
в чужие не летишь края.
И по душе — твоя натура
и эта преданность твоя.

* * *

Что с того,
что жизнь короче,
сил убавилось в груди —
лишь бы после долгой ночи
день увидеть впереди,

посмотреть в глаза родные,
друга встретить у дверей,
как и раньше,
так и ныне
что-то сделать для людей.

Не хочу быть ни цветами,
ни водою, ни травой —
стать бы мне,
простившись с вами,
чей-то долею незлой.

ВРЕМЯ

— Не властно время надо мной, —
ты говорила мне порою.
Тогда была ты молодойю,
и я был тоже молодой.

— Не властно время надо мной, —
я говорил тебе порою.
Но, отрезвлённый сединою,
Во всём увидел смысл иной.

— Не властно время над тобой, —
сказали мы потом ребёнку...
А он смеялся звонко-звонко —
Счастливый, ласковый, смешной.

* * *

Зачем себя беречь,
зачем страдать и злиться —
не лучше ль в землю лечь
и с ней соединиться?

Но я еще дышу,
смеюсь и существую
и жизнь в себе ношу
какую-никакую.

Еще от взгляда глаз
восторженно робею,
когда в заветный час
стою я перед нею.

Еще и глубь и высь
волнуют и тревожат.
Что надоела жизнь,
подумывать негоже.

Пусть все идет как есть
на ветровом причале...
И пусть плохая весть
друзей не опечалит.

* * *

Не считал, не мерил,
сколько пройдено,
честно, не оглядываясь, жил,
не кривил душою перед Родиной
и перед любимой не кривил.

Я не знал ни скупости, ни зависти,
перед правдой
взгляд не отводил.
Вызрели не все, конечно,
завязи —
значит, просто не хватило сил.

Только то,
что сделано и начато,
что давно развеялось, как мрак,
болью непридуманной оплачено...
И простите,
если что не так.

* * *

Я живу не размеренно,
к вёрстам трудным готов.
Из всего, что утеряно,
мне не вспомнить всего.

Но что было приметного
у меня на веку —
будь то чёрное, светлое, —
я забыть не смогу.

Потому что случайное
пронеслось стороной,
а осталось лишь главное,
что навеки со мной.

* * *

Зачем жалеть?
И как сберечься,
когда пустяк — и тот порой
проходит с кровью через сердце,
а не проходит стороной?

Переживу и гнев и милость.
Переживу — о мне ли речь?..
Но — что бы с нами не случилось, —
как нам других
в себе сберечь?

* * *

Не хотел бы умереть зимой:
будет снег кружиться надо мной,
а возможен день куда похуже —
затрешит на реках лед от стужи.
Мне, конечно, будет все равно,
но другим-то станет холодно.

Не хотел бы умереть весной:
все живет надеждой молодой.
Не хотел бы умереть и летом:
зреет рожь от солнечного света,
но душе от пыли и от зноя
ни простора нет и нет покоя.

Умереть хотел бы в сентябре,
и не темной ночью — на заре.
Мне, признаться, большего не надо:
только б пасть на землю листопадом.
В это время небеса чисты
и в природе нету суеты.

Вот и все. Закончился мой путь.
Я прошел его не как-нибудь.
Даже если скажут нам друзья,
что, прощаясь, песен петь нельзя,
спойте мне у вечного порога:
«Выхожу один я на дорогу...»

